

...Каллех эи килсе куртѡм...
А. ПУШКИН

...Вновь я посетил...
А. ПУШКИН.

Каллех ак эи ѓурална ѓершывра.
Каллех ак чакѡр пѣлѣт анинче
Сайран, кѡшт сарѡраххѡн курѡнаѓѓѓ
Тин ѓулѓѓ ѓурнѡ ватѡ йѡмрасем.
Йѡмра! Йѡмра пек мар-и пирѣн халѡх?
Хуѓ йѡмрана эс, тѡрѡнтар ѓѣре —
Вѡл ѓавѡнтах тымар ярать, хунать.
ѓапла ѓак сулхѡн Кама йѡлѡмне,
ѓынран илтнипеле кѡшт каярах
С а к к а м тесе ят хунѡ ѓѣршыва.
Пѣр виѓѓѣр ѓул аваларах эпир
Тѡван йѡхран хѡпса килсе вырнаѓнѡ:
Йѡмра тураѓѣ пек, тѡпра ѡшне
ѓасрах тымар ярса, хуна пуѓланѡ...
Ялйышѡмсем! Ёрчевлѣ, ѓѡра юнлѡ,
Ура ѓине нихѓан та пустарман,
Шывра путман, вутра ѓунман ѓынсем!
ѡѓта кѡна эпир тѣнче касмаѓтпѡр?
Хѡш хуларан кунта ѓыру килмест?
Анчах ѓыратпѡр пурте ѓѡвашлах.
ѓѣм вѡрманѡ вырнаѓнѡ ѡру-несѣл,
Кѡкла-кѡкла, ана-ѓаран уѓса,
ѡлран кѡйми аки-сухи ѓинчен
Юрла-юрлах хунѡнѡ та ѣрченѣ;
Илемлѣ, витѣмлѣ, ѓаврѡнѡсуллѡ,
Ытарайми хѡй ѓѣлхине упрѡнѡ...
Эп кѡйрѡм Ёнѓѣ шывѣ хѣррипе...
Лупашкара, вар-васанта выртѡть-ха
Пусѡрѡнса хуралнѡ кивѣ юр.

Смотрю я вновь на землю, где родился,
Где ветлы старые трепещут в небе
Своей тревожной, изжелта-зеленой,
Еще не яркой, не густой листвою.
Ветла! На наш народ она похожа.
Воткни ты в землю сломанную ветку —
Она растет, пуская тут же корни.
Вот так и мы на берег луговой
Прохладной Камы, в ту страну, что люди
Назвали вслед за русскими Сакам,—
В Закамье наше, лет, пожалуй, триста
Тому назад пришли. Мы оторвались
От племени родного, словно ветка
Ветлы зеленой. Тут воткнулись в землю,
Пустили корни, стали разрастаться
Мои односельчане! Народ густых кровей!
Мы никому еще не позволяли
На ноги наступать; как говорится,
В воде не тонем, не горим в огне!
Скажи, где только не скитался ты,
Где не пытался счастья добывать?
Откуда здесь не получают писем?
Но пишем все к родным мы по-чувашски.
Давным-давно в лесу дремучем здешнем
Наш род неистребимый поселился:
Рубил дубы, пни корчевал с трудом,
Все так же люди складывали песни
О плуге-друге, о коне-кормильце,
Все так же разрастались ветки рода;

Сара-ха сирёк; кячкара сусе;
 Серем тин сес симёсленет. Сил сулхан.
 Анчах усланкара унта-кунта
 Кёренён те сенкерён куранать
 Сурхи тёнче илемлё — сепёс сеспёл,
 Ун сескине пыл хурчё тирёнет,
 Асра янра пуслать манми пёр юрă...
 Кунта, пяртак ашатарак парсассан,
 Кушран пахатчёс чёлтёркке, чипер
 «Ан ман мана» текен вак чечексем,
 Ав халё те вёсем палъркалащё;
 Сапах таса, илемлё, илёртуллё,
 Анчах... кушран пахман пек туйанать.
 Аста эсир, чунсем ешернё чух,
 Чёремёрсем чечек пек суралсассан,
 Пёрремёш хут мана пахса тинкернё,
 Именнё, шиклё, тёлённё, юратнă,
 Курса таранайми кавак куссем?
 Аста эсир? Курайап-ши сире?
 Пулин! Эсир мёскерлине пёлётёп:
 Сап-сутă канлёх, асла пёркеленчёк;
 Хайюллă, шиксёр, тёлёнмен, анчах
 Саплах юратнă, мана мар пулин те,
 Саплах юратнă, юратан куссем!..
 Шыв урлă, трактор сассинчен писмесёр,
 Касса кайса тарă тарилетет.
 Ташта ситех вал улахса ситет те
 Сасартăк — чамнă пек — вёссе анать,
 Унччен те пулаймасть — лере тепри
 Вёлтёртетсе сёкленнини куратан,
 Ун та хай саванăсё, хай тёнчи:

Все так же берегли мы древний, звучный,
 Богатый, терпеливый наш язык.
 Пошел я вдаль по берегу Инчи...
 Спрессованный последний черный снег
 Лежит еще, таится по оврагам.
 Ольха еще гола, а ива — в почках.
 Трава едва пробилась на лужайке.
 Прохладен вечер. Все же на полянке
 Белеет, розовеет медуница —
 Родной природы скромная краса,
 Впиваются в цветы лесные пчелы,
 И снова песня «Пчелка золотая»,
 Звенит, звенит из юности моей...
 Когда-то здесь, едва в лесу теплело,
 В мои глаза смотрели незабудки —
 Вот и теперь виднеются они,
 Невинные и чистые, как прежде,
 Но, кажется, я ими не замечен...
 А где вы, что взглянули на меня
 Впервые, в пору юности зеленой,
 Когда сердца цветами раскрывались,
 Вы, синие, бездонные глаза?
 Ужели вас я больше не увижу?
 Пускай! Какие вы теперь — я знаю:
 Спокойный свет и умные морщинки,
 Давно уже устали удивляться,
 Нет робости. Но любите все так же, —
 Пусть не меня — вы любите все так же,
 Глаза любимой, ясные глаза!
 За речкой, где стучит негромко трактор,
 Вовсю поет полей родимых птаха —

Ырты ун тусё аша йавара
 Чапар чамартасем синче тўлеккён
 Пуси-пусми асарханса ларать,
 Урисемпе хыпаласа пахать те,
 Лекет пулсассан — ним те кирлэ мар!
 Анчах савнийён юрине илтет въл,
 Ыр сасаран та уйарать ана.
 Ыр саса ыр кёслен тёнкёлтетет:
 Яра куна, сўлтен сўле вёссе;
 Чёрёлёхе те ёрчеве мухтафсе
 Уй-хирён ўркенми савасисем.
 Сайрална сёмёртлёлхелле керетп.
 Сак йывассен таррисене эфир —
 Сара туналла, ярханахскерсем —
 Вёфе-вёсен чупса ситсе, пёр харас
 Хапарна, упате пек яванса,
 Чёлхе савранмиччен кавленё сёмёрт.
 Йалтартатса таран сапакисем
 Хура кушак хўри пек куранатчёс.
 Ват сёмёрт вуллисем халь кавакарна;
 Тарри харни те пур: турачёсем те
 Хашпёрисем е хуфак, е аманчак.
 Анчах йёри-тавра, — харса йаванна
 Тункатисем тавра та — ушкан-ушкан
 Кёшёлтетсе кана ўссе ларафсе
 Чёкеф шатриллё хамар хунавсем.
 Кашни сав ушкан — уйралми килйыш,
 Пёр-пёриңпе харкашса мар, юлташлан,
 Пёрле чамартанса, пёр тём пулса,
 Тапра сёткенёшен, хёвел сүтишен
 Сини тарсах ёслет те керешет.

Неугомонный жаворонок ранний.
 Высоко поднимается, высоко,
 И вдруг, ныряя в голубом просторе,
 Слетает вниз. А вон его товарищ
 Поднялся, набирая высоту;
 И у него свой мир, свои восторги.
 Подруга жаворонка на земле
 В гнезде сидит на пестрых яйцах тихо;
 Едва касаясь, нежно, осторожно
 Пощупает их лапками порою:
 Все дома, — больше ничего не надо!
 Но слышит песню милого она,
 И различает беспокойный голос
 Среди большого хора голосов.
 Как сотни гусель голоса звенят,
 Весь день звенят, взлетая выше, выше:
 Рожденье жизни, небо, землю славят
 Неутомимые певцы полей.
 В черемушник вхожу я. Поредел
 Ребячий мир. Когда-то мы, босые,
 Гуськом сюда вбегали. Забирались
 По сучьям на вершины, извиваясь,
 Раскачиваясь, словно обезьяны;
 И ели мы черемуху, жевали,
 Пока язык во рту не цепенел;
 Казались нам хвостами черных кошек
 Сверкающие налитые кисти...
 Стволы черемух старых поседали,
 Засохли кое-где макушки. Ветви
 Иными стали — в переломах, ранах.
 Но вижу я — растут вокруг деревьев,

Сапла эпир пура̄накан чи асл̄а
 Саманари чи асл̄а этемсем —
 Сантал̄ак хусисем — хускатн̄а шух̄аш
 Куллен ч̄анланнине курса иртет̄ен...
 Син̄се в̄арман. Саплач̄е ун̄ан яч̄е.
 Пахан — ытам с̄итми к̄ереш те й̄ышл̄а,
 Касса та тухн̄а-м̄ен п̄ер кассине,
 Хуралт̄а с̄ав̄арн̄а, п̄урт лартн̄а пул̄е,
 В̄арман̄ен яч̄е с̄ав-савах Син̄се.
 Усланк̄а пулса юлн̄а выр̄ант̄а
 Халь ашкарн̄а та кайн̄а ш̄ешк̄ел̄ех.
 «Ан ав̄ан, ш̄ешк̄е!» — тер̄ем те а̄шра эп
 Яштакарах п̄ер вуллине суйлар̄ам.
 Ун тымарне чаваласа пахат̄ап,
 Вара к̄ерен те авмакаскерне,
 Вакрах тымарсене ирте-ирте,
 С̄е̄с̄епеле касса эп к̄аларат̄ап.
 Алла к̄ерет май̄яр ш̄аршил̄л̄е, сел̄ем,
 Суралн̄а с̄ер пек шанч̄акл̄а туя.
 Ка̄сар мана, е̄сне е̄с пек та̄ван,
 Саралн̄а ат̄алл̄а, с̄аран уртмахл̄а,
 Сунар̄с̄а кусл̄а ыв̄анми хурал̄с̄а!
 Ка̄сар мана: ин̄се-ха ман̄ан с̄улам...
 Умра в̄е̄с̄е-х̄еррис̄ер е̄с ани,
 Нихсанхинчен те ытларах, туллин
 Пурнас килет с̄ак п̄ел̄ет ай̄енче!
 Хамран малтан, в̄ери ч̄ерепеле,
 Таса к̄ам̄алпала с̄уна-с̄уна,
 С̄амах в̄айне шыран̄а та̄вансемш̄ен;
 В̄есен с̄итсе е̄лк̄ереймен с̄ап-с̄амр̄ак
 Е̄м̄е̄ч̄есемш̄ен; асл̄а в̄арс̄ара,

Вокруг засохших, обомшелых пней,—
 Везде растут, друг друга обгоняя,
 Коричневые, с крапивою серой,
 Прямые торопливые ростки.
 Растут они семьею неделимой,
 Не вытесняя никогда друг друга,
 А дружно собираясь в куст единый;
 Растут в борьбе настойчивой, питаюсь
 Лучами солнца, соками земли.
 Как мысли обновителей природы,
 Хозяев замечательной земли,
 Сама природа подтверждает властно
 И превращает в истину для всех.
 Синьзе! Так лес назвали «Тонким лесом».
 Глядишь — стволы руками не обнять;
 Иные порубили на делянке,
 Поставили, наверно, избы в селах,
 А лес по-прежнему зовут Синьзе.
 На вырубке, на солнечной поляне,
 Теперь шумит орешник молодой.
 Сказал я про себя: «Не гнись, орешник!»,
 И выбрал ствол покрепче, постройней,
 Рукой нащупал корень розоватый,
 Изогнутый, и вырезал ножом,
 Очистив от росточков, от земли,
 В моей руке, как скромный дар отчизны,
 Надежный, пахнущий орехом, посох.
 Прости меня, неутомимый сторож —
 Лесник с двухстволкой, с кожаной сумкой.
 С веселыми глазами следопыта!
 Прости меня ты, добрый человек! —

Сип-сивё вилёме кушран пәхса,
Сёнтерүпе пуш хунә тантәшсемшён;
Сын элекне пула таван сёртен,
Хуранташран йёрсе уйәрәлса,
Ташта ситех кайса кенё пулин те,
Сак хамәр сёршывах ытараймасәр
Мал ёмёт тытнә витемлә чунсемшён —
Пуриншён те, пуриншён те эп тивёс
Самах тытмашкан халәх умёнге.
Тумаллине туса ситермесессён
Чёрем тапа пуслать сиксе тухас пек,
Чун паччан туйанать, куш хуралать...
Сасартәк сак хёвел, сёрем, вәрман
Ман кушәмран ёмёрлөхех сётсессён,—
Эй, сәмрәксем, сёршывама килсе
Эп утнә сукмака шыраса тупәр,
Ман үкнё туяна палласа илёр,
Кушкёретех сёрте сёрме ан парәр:
Чәмәртаса тёреклөн тытәр та,
Пёрне-пёри ылмаштарса, хаваслән
Сукмак синчен мән сул синелле тухәр,
Хёвел сине пәхса хәюллән утәр!
Хёвел, кавак түпе, ем-ешёл хир,
Тусем-сәртсем те, аякри сулсем те
Ман канәссәр кәмәләма туртатчёс.
Ан тив, вёсем сире те савнашкал
Ытарайми туртса тәччәр. Пёр те пёр
Сул сүрекенсемпе пәртак канма,
Туртса яма е чей ёсме ларсаессән,
Тен, аставаьр мана та әнсартран:
«Сынни тёнче касма пит юрататчё»,—

Далек еще мой путь, и впереди
Ложит работа бесконечным полем.
Я жить хочу под нашим небом синим,
Как никогда, все дольше, все полней!
Я жить хочу за всех моих собратьев,
Кто до меня под ношею тяжелой
Горьмя-горел всем юношеским жаром,
Чтоб силу нашей речи обрести.
За них хочу я в слове воплотить
Их смелые, высокие мечты,
Что оборвались слишком, слишком рано!
За сверстников, кто на войне великой
Глядел в глаза холодной смерти прямо,
Кто, побеждая, голову сложил!
За тех, кто был неправдой, клеветой
Оторван от родимых мест, от близких,
И вдалеке грустил об отчем крае,
Храня к нему и верность, и любовь,—
За всех, за всех, мне кажется, я должен
Держать ответ перед моим народом!
Предчувствуя, что дела не закончу,
Тревожно, учащенно бьется сердце;
Вот-вот рванется, выпорхнет... Мне душно,
В глазах темнеет... Если это солнце,
И луг, и лес исчезнут с глаз навеки,—
Вы, молодые, в край придя родимый,
Найдите давнюю мою тропинку!
Узнав мой верный посох, поднимите,
Не дайте сгнить ему в земле сырой;
Передавайте вы его друг другу,
С тропинки выходите на большак!

Тесе пёр-пёринпе шўтлешёр те,
Ѕав шўт сире вай патар, тўсём патар!
Тавах сана, пёчэкренех мана
Шухайшлама вёрентнё хўтё улах!
Тавах, вярманалла ертсе кёрен —
Ялан шерпет пек тутлй — Ёнчё шывё!
Тавах сире, мана — сёр ачине —
Поэт туса ўстернё сёршывсем:
Чёлхемёр хаватне шыра-шыра
Куца хупмасар ларна касамсемшён,
Асапшан, саванасшан, тўсёмшён;
Хура кунсулла, тешмёшпе патрашна
Этемлёх тёпёнчен с ы н л а х а л л а —
Аспа сиссе таран тўпенелле —
Сунат хушса сёкленнё камалшан;
Хура тапра сине сарран тарса
Пёрремёш хут ура яrsa пуснишён,
Тавар сапса тыттарна тертлё, тарла
Ыраш сакрин чи малтанхи чёллишён,
Атте-анне чёлхипеле калана
Чи малтанхи самахшан — тав! Тавах!

1951, Сиктёрме

На солнце глядя, прямо вдаль шагайте!
И солнце в небе синем, и поля,
И рощи, и дороги травяные
Меня, тревожного, влекли всегда.
Так пусть и вас они влекут все так же —
Когда вы сядете с друзьями вместе
Передохнуть немного, покурить,—
Быть может, обо мне заговорите:
«Старик скитальцем был неисправимым!»—
Друг с другом вы пошутите беззлобно,
Пусть эта шутка вам прибавит силы!
Спасибо, тихий многотравный луг,—
Учил меня ты с малых лет раздумью.
Спасибо, речка быстрая Инча,
С водой все так же сладкой, как шербет!
Благодарю тебя, родимый край,
За дни, когда я пахарем, жнецом
С людьми работал добрыми; за ночи,
Когда сидел я, не смыкая глаз,
Искал во мгле наощупь, силу слова!
За думы все, что птицами поднялись
Со дна былого мира суеверий
К вершине чело в е ч н о с т и, где властно
Сняет разум! За большое счастье!
За первый шаг, который сделал я,
Ступив на землю эту босиком,
За первый дар — ломоть ржаного хлеба,
Посыпанный зернистой крупной солью;
За первое за памятное слово,
На языке родителей моих,—
За все, за все тебя благодарю!